Turpak N., PhD in philosophical Sciences, leading researcher of the Department of philosophy and geopolitics NDIU (Kiev, Ukraine), E-mail: visnukdnu@i.ua

Development of V. Vernadsky's noosphere thought in the humanitarian heritage B. Havrylyshyn

Abstract. *In the 21st century Ukraine is looking for an effective model of its own future for humanitarian development. Therefore, there is an important assimilation of the ideological experience of prominent Ukrainian thinkers who, through their creativity, demonstrated to Ukraine the way to the humanitarian achievements of the global world. They drew attention to the need for the full development of man and society.*

The article is devoted to the discovery of ideological continuity between the works of V. Vernadsky and B. Havrylyshyn.

The study argues that the main achievement of V. Vernadsky is his concept of the noosphere. The noosphere is the probable future state of a harmonious global society in its interaction with nature, where priority is given to the human mind. In his noosphere concept, the scientist investigated the social factors of the transformation of the biosphere into the noosphere. This is the development of man's creative abilities, the application of a scientific approach to the understanding of nature and society, the formation of the person's spirituality, the formation of global thinking.

The study argues that the main achievement of B. Havrylyshyn is his concept of effective societies. The thinker has examined the necessary social preconditions for the transition to a future effective society. He argued that the future world order in different states depends on the value system. The value system of the states is an important factor in their future development and efficiency. B. Gavrilyshyn believed that citizens can significantly influence the development of the political, economic, social and environmental spheres of society. He believed that society should pay attention to the formation of the spirituality of citizens, the system of their ideals and values. The thinker believed that the future economic, political, cultural and social development of Ukraine would depend on the system of values and activity of citizens.

Consequently, the concept of the noosphere V. Vernadsky was developed in the work of B. Havrylyshyn. Ideas of thinkers can be useful for developing the foundations of modern humanitarian policy in Ukraine.

Keywords*: global thinking, global humanitarian challenges of the present, humanitarian policy, effective society, noosphere, Roman Club, world social system, sustainable development.*

УДК 17.023.32

Шаталович А. М.,
доктор философских наук, доцент, професор кафедры философии,
Днепровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: visnukDNU@i.ua

СЕМЬЯ В ФИЛОСОФСКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЙНО-СМЫСЛОВОЙ ДЕЗОРИЕНТАЦИИ

Аннотация. *Феномен кризиса (или модернизации) семьи, наблюдаемый в современном западном обществе связан с проблемой ее понятийно-смысловой дезориентации. Ключевым вопросом указанной проблемы является вопрос определения, а точнее определения «сущностного минимума» семьи: что делает семью таковой? На фоне нарастающего объема фамилистических исследований, непроясненность и нечеткая артикуляция метафизических оснований затрудняют выявления инвариантной сущности семьи. В научных определениях доминирующим остается социологизаторский подход, в котором феномен семейственности редуцируется или к обществу, или к индивиду. Определение семьи через функции также способствует усилению смысловой девальвации.*

Ключевые слова: *определение семьи, фамилистика, социология семьи, психология семьи, философия семьи.*

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Понятийно-смысловая дезориентация семьи – одна из ключевых философско-гносеологических проблем современных фамилистических исследований. Сегодня, наряду с концепцией кризиса семьи (П. Амато, И. Антонов, В. Архангельский, А. Карлсон, В. Медков,

Д. Попено, Ф. Фукуяма) существует радикально противоположная, не менее разработанная, концепция модернизации семьи (Т. Библарц, А. Вишневский, А. Волков, С. Голод, А. Клецин, А. Синельников, Д. Стейси), представители которой полагают, что сегодня мы наблюдаем не столько кризис, сколько закономерную трансформацию семьи, ее переход от традиционной формы как устаревшей и репрессивной (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) к новым альтернативным формам.

Указанная неоднозначность в научно-интеллектуальной среде отражается и в социальном плане через множественность вариантов семейного бытия. Как подчеркивают А. Кёстенбергер и Д. Джонс, впервые в своей истории, западная цивилизация столкнулась с необходимостью дать определение очевидным понятиям «брак» и «семья». То, что до наших дней считалось «нормальной» семьей, состоящей из отца, матери и нескольких детей, в последние годы стало рассматриваться лишь как один из нескольких вариантов, из которых ни один не может считаться не только единственно правильной, но даже более оптимальной формой человеческих отношений [14, с. 1].

Плюральность форм семейного бытия принимает сегодня тотальный масштаб: «гражданские» браки (незарегистрированные сожительства, или «хрупкие семьи», как их еще иногда называют западные социологи), гостевой брак, одиночное и суррогатное материнство, движение «Childfree» и сознательно бездетный брак, гомосексуальные, бисексуальные и трансгендерные союзы (в том числе с усыновлением детей), групповой брак, свингерство, «последовательная полигамия» (череда «гражданских» браков и внебрачных сожительств) и др. В современном западном обществе для обозначения семейной реальности даже сам термин «семья» (family) используется строго во множественном числе – «семьи» (families), чем подразумевается вариативность в организации семейной жизни, то есть множественность моделей организации частной жизни женщин и мужчин [1, с. 347].

Характерным атрибутом современных метаморфоз в фамилистической сфере являются парламентские дебаты и референдумы (например, в Хорватии, Словакии, Ирландии) относительно определений семьи и брака. Хотя кто бы еще даже сто лет назад мог подумать, что определения таким «очевидным» как для обыденного, так и для научного сознания понятиям в XXI столетии придется выбирать голосованием? Таким образом, рассматриваемая в статье проблема является весьма острой и актуальной.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема понятийно-смысловой дезориентации уже неоднократно затрагивалась в современной научной литературе. Так, С. Бурова обращает внимание, что у представителей разных наук нет общего определения семьи. Более того, многие из существующих определений страдают односторонностью, потому что в основание понятия семьи положены разные критерии (социальное предназначение, качество связей, структура, принцип организации и т.д.) [20, с. 904]. Как подчеркивает Т. Гурко, «семья» – это идеальное понятие, которое имеет множество форм и субъективных значений даже для одного человека. Часто исследователи, респонденты и интерпретаторы подразумевают под «семьей» различные сущности [7, с. 69].

А. Антонов констатирует современное расширение границ семейности и смягчение научных критериев семьи, что ведет к ее смысловой девальвации. С точки зрения исследователя, сегодня, слово «семья» резервируется для обозначения «остатков», «осколков» семейного образа жизни. И тогда супруги без детей, один родитель с ребенком, родная тетя с осиротевшим племянником, дедушка с внуком (и т.п.) могут в социальных науках зваться «семьей». Но на самом деле, расщепление прежнего институционального единства родительства-супружества-родства на автономные от семьи и друг от друга части, по справедливому мнению ученого, связано с разрушением семьи как таковой [3, с. 64]. Рассуждая о семье, А. Антонов задает философские по своей сути вопросы: «Существует ли семья? Может быть,

«семья» – лишь слово, удобное для объединения разного рода образов и представлений, связанных с браком, рождением детей и разводом?» [3, с. 55]. Сторонниками феминистического подхода универсальность понятия «семья» и вовсе ставится под сомнение. Они считают ошибочным представление о семье как единичном деятеле [1, с. 347]. В русле данных рассуждений ставится под сомнение и бинарная оппозиция «семья» – «нетрадиционные семейные формы», которая существенно влияла на социальную политику и приводила к поощрению одних семейных форм и дискриминации других [24, с. 6]. Например, в теории Т. Парсонса речь шла только о среднем классе «белых», что предполагает определенные гетеросексуальные отношения и неравноправное положение женщин, т.е. подразумевает опыт определенного класса, конкретные этнокультурные нормы. Следовательно, универсальное понятие «семья», с точки зрения ученых-феминисток, является идеологическим [8, с. 143–144].

В контексте сказанного становится понятным происходящее в последние десятилетия увеличение доли философских исследований семьи, призванных восполнить ее сущностное понимание. Философские исследования семьи представлены различными направлениями: социально-философским (А. Бэттлер, Н. Орлова, Б. Хубиев), гендерно-антропологическим (Дж. Батлер, Ф. Бурханова, Т. Власова, О. Воронина, М. Киммел), онтолого-метафизическим (А. Анисин, С. Анисина, А. Бурыкина, В. Попова, Л. Скворцов, Н. Четверикова, Ю. Шрейдер), историко-философским (А. Любимова, И. Проневская, С. Суровягин, Б. Хубиев), экзистенциально-феноменологическим (С. Аверинцев, Э. Левинас, Е. Рашковский) и др. Многие исследователи обращают внимание на те или иные аспекты проблемы понятийно-смысловой дезориентации семьи. Если под «семьей», как акцентирует внимание Л. Скворцов, понимают сегодня все многообразие сексуальных союзов, в том числе мужчины с мужчиной и женщины с женщиной, то семья отрывается от своего естественного и цивилизационного предназначения. Она тем самым становится «пустоцветом», а межличностные отношения в ней обретают самодовлеющее значение, становятся целью в себе. Как символ всеобщего явления такая «семья» превращается в знак смерти человеческого рода. А это означает, что мы имеем дело с *псевдосемьей*» [19, с. 7].

Е. Рашковский подчеркивает существующую сложность «схватить» этот вечно недосказанный и ускользающий от философского взора, но всегда столь насущный для мысли и практики *феномен семьи* [17, с. 28]. Исследователь делает важный акцент на необходимости междисциплинарного подхода к исследованию семьи и выделяет шесть уровней подхода к проблематике семьи, настаивая не только на специфике, но и на глубокой внутренней взаимосвязи всех шести уровней (биосоматического, психологического, экономического, социокультурного, правового и религиозного).

Подводя итог обзора литературы, следует отметить, что проблема понятийно-смысловой дезориентации, несмотря на обилие фамилистических исследований, пока еще не имеет целенаправленного осмысления и систематизации. Экспликация указанной проблемы будет составлять ***цель данной статьи***.

Изложение основного материала. Ключевым вопросом рассматриваемой в статье проблемы является вопрос определения семьи.

В первую очередь начнем с номинального и этимологического определений семьи. Данный аспект рассмотрения востребован в связи с необходимостью учета диахронической семантической адекватности. Дело в том, что *семья* (в современном ее значении) – это явление сравнительно «молодое». И в европейском средневековье, и гораздо позже даже самого термина «семья» не существовало, так как отсутствовало представление о ней в современном смысле слова.

В древних языках (древнегреческий, древнееврейский, латынь) слово «семья» передается полисемантическими терминами. Так, древнееврейский термин *oikos*

означает – дом, помещение и жилище; имущество и состояние, а вместе с тем – род, семью, семейство, домочадцев, и даже более широкую общность – народ, отечество, и, наконец, этим словом может обозначаться храм, святилище. Как подчеркивают исследователи, для обозначения каждого из этих разнопорядковых для современного сознания понятий существуют и специальные слова, но в слове *oikos*, все эти смыслы сходятся воедино [2, с. 16–17]. Древнегреческий термин *domos* – это дом, семья; здание, жилище, комната; храм, святилище; дворец, чертоги, царство; стойло; кладка, слой, ряд; отчизна, родина; ящик, сундук, ларец [11, с. 420]. Соответственно в латинском языке, термин *domus* – дом, жилище, местопребывание; хозяйство; родина, отечество; семья, семейство; род, племя; секта, философская школа [9, с. 347]. Латинский термин *familia* не менее насыщен многообразными коннотациями. Он означает – семья, семейство, (вся) родня, дом (как совокупность всех домочадцев, включая слуг); дворня, челядь, рабы; фамильное имущество, родовое состояние, имение; часть рода (gens), ветвь, отрасль, фамилия; род; группа или труппа; школа, секта, направление [9, с. 415]. Древнееврейский «*bayit*» как и древнегреческий «*oikos*» также охватывает достаточно широкую область смыслов: это и жилище, и семья, и женщина как воплощение семьи, и народ Израильский, и род как отдельная ветвь этого народа [2, с. 18]. Возникает правомерный вопрос: является ли современная терминологическая интерпретация семьи тождественной античному, ветхозаветному или средневековому пониманию? Таким образом, «набрасывание» современных терминов на предшествующие эпохи необходимо проводить весьма взвешенно.

Относительно понимания термина семья в современной славянской культуре, следует отметить два основных значения ее номинального определения.

Во-первых, семья зачастую (в обыденном сознании) трактуется как «семь Я». Как подчеркивают исследователи Анисины [2, с. 12–15], при этом сохраняется еще признание того, что так должно быть в идеале: семь ли человек, считая взрослых, или даже «семеро по лавкам» одних только детей, – настоящая семья такова «семь Я». Данное понимание коррелирует (хотя и не в полной мере) с концептосферой понятия семьи в древних языках. В частности, если обратиться к старославянскому концепту «сѣмия», то по происхождению данное слово представляет собой форму собирательного существительного, которое образовано от существительного сѣмь (работник, слуга, домочадец) [23, с. 374]. Если сѣмь означает лицо, личность [16, с. 699], то *семью можно представить, как совокупность лиц (личностей)*. То есть *семия* образовано наподобие *братия* или наподобие латинского слова *familia*, которое этимологически означает совокупность слуг (famuli), живущих под одной крышей [5, с. 234].

Во-вторых, *семья* трактуется как *семя*. Аргументы в пользу указанной этимологии приводят исследователи Анисины [2, с. 12–15]. Семейственность в данном случае предстает как некое качество. *Семейство*, по их мнению, есть буквально – разросшееся семя, то, что происходит из семени. Так и существительные на *–ство* обозначают некое доминирующее проявление того, что обозначается соответствующим корнем, а также результат такого доминирования (например: богатство, детство, первенство). Семья, таким образом, определяется единством семени и строится на его доминирующей роли. Там, где это доминирование и определяющий характер семени сказывается на всей жизни человека, мы имеем дело с «семейственностью», там же, где единство семени уже не ощущается, там кончаются семейные связи. В этом смысле можно говорить и о народе как единой семье, о «семье братских народов», даже о человечестве как некой «общей семье». При этом, по мнению Анисиных, нельзя понимать «семя» буквально физиологически. Исследователи делают акцент на растительных образах семьи. Так, все эти «растительные образы» призваны указать на некие предельные основания человеческого бытия, на ту «почву», на которой человеческое бытие произрастает, на то «семя», из которого разрастается

бытие человека, на те «корни», которыми это бытие держится и питается. Все эти образы предполагают, что человек при всем своем чувстве «заброшенности» в мир, тем не менее, получает свое бытие не в готовом виде, а это бытие каким-то образом «вырастает» в мире, подобно растению.

В русле данных рассуждений семья выступает, как субстанция, которая передается через семя, кровь, кость, то есть род (отсюда в рус.– родня, в укр. – родина, в польск. – rodzina). То есть, мы несем в себе природу того, кто нас породил. Так, С. Толстая подчеркивает, что среди непрямых обозначений отношений родства наиболее регулярными являются соматизмы: кровь, кость, колено, семя, плоть, сердце, жила [21, с. 10–11]. Семья как отмечают исследователи, есть «кровно-родственная ячейка общества» [17, с. 27], есть «единство крови», которое же является и единством жизни, единством бытийного семени. Жить одной жизнью, быть в кровном родстве – это значит быть и осознавать себя отпрысками одного корня, побегами одного семени, членами одной семьи как целостного организма [2, с. 15]. Следовательно, если в первом случае семья лишь имя для обозначения совокупности индивидов, во втором ее отличает субстанциальное измерение.

Таким образом, уже беглый анализ номинальных определений семьи приводит нас к вопросу «сущностного минимума» семьи: что делает семью таковой? Как справедливо подчеркивает В. Дружинин, когда мы говорим о семье или собираемся исследовать ее, мы всегда должны дать ответ, о какой собственно семье идет речь? На первый взгляд наиболее простой ответ о «сущностном минимуме» и норме семьи находится в эмпирической плоскости социологических или психологических исследований. Однако, нормальная семья, как подчеркивает психолог В. Дружинин, – понятие очень условное [12, с. 12–13]. И действительно, имеем ли мы право для определения «сущностного минимума» семьи ориентироваться лишь на некий среднестатистический показатель «текучей современности» (З. Бауман)?

Более показательными, по идее, должны быть обобщения культурной антропологии. Так, согласно Дж. Мердоку, именно нуклеарная семья служит универсальным видом человеческих групп. Исследователь подчеркивает: «Как единственная преобладающая форма семьи либо элемент более сложных семейных форм она существует в качестве особой выраженно функциональной группы во всех известных науке обществах. По крайней мере, в репрезентативной выборке из 250 культур, использованной в данном исследовании, мы не встретили ни единого исключения» [15, с. 19–20]. Но действительно ли нуклеарная семья является тем искомым «сущностным минимумом»? К примеру, Ф. Фукуяма полагает, что распад расширенных семей на нуклеарные семьи, произошедший вследствие индустриализации не является пределом модернизации. Во время «Великого разрыва» самой нуклеарной семье грозит упадок [22, с. 60–61]. С точки же зрения сторонников концепции модернизации семьи, происходит не столько кризис, сколько модернизация, соответственно, эволюционные процессы не должны вызывать тревогу.

Как же все-таки найти «сущностный минимум», «норму» семьи? Если обратиться к фамилистическим наукам, можно встретить множество реальных определений, рассматривающих семейно-брачную сферу, которые опираются на различные критерии в основании понятия семьи. Указанные критерии есть не что иное, как метафизические основания. Поэтому для прояснения сущности семьи, в первую очередь, обратимся к тем метафизическим основаниям, которые современные исследователи закладывают в свои определения. На примере доминирующего ныне социологизаторского подхода укажем два основных варианта метафизических оснований семьи – общество и человек.

Рассмотрим каждый из них и в первую очередь – общество. Так, С. Бурова, обобщая общепринятые определения семьи, предлагает следующее: «Семья – это социальный институт (по характеру общественного воздействия на брачно-семейные отношения) и в то же время обладающая исторически обусловленной организацией

малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной ответственностью, что детерминировано социальной потребностью в воспроизводстве человеческого рода как физического, так и духовного обновления общества» [20, с. 904]. В данном определении метафизический уровень присутствует через отсылку к социуму как метафизическому основанию: семья – социальный институт. Согласно социологической энциклопедии, социальный институт – относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь. Индивиды, составляющие семью, играют роли в соответствии с их статусом и приписываемыми им образцами поведения [18, с. 157–158]. Еще более четко примат социального просматривается в рассуждении С. Буровой о том, что глобальные общественные изменения вызывают к жизни новые типы семейных отношений [20, с. 906] или в определении семьи А. Харчевым и М. Мацковским как *общественного механизма* воспроизводства человека [18, с. 462]. Из данных формулировок следует, что общество «живет» через семью (даже если определять семью через малую группу, которая также есть форма жизни общества) и устанавливает ей цели, функции, нормы, роли. В целом, это напоминает античное учение, в котором человек лишь актер, играющий свою роль в театральной постановке, автором которой является судьба. Таковой судьбой для семьи (согласно рассматриваемым определениям) оказывается бытийствующее через него общество. Но так ли это на самом деле? Почему мы полагаем, что общество бытийствует через семью, а не наоборот? Этот вопрос носит метафизический характер и не подлежит однозначной верификации.

Не лучшим образом обстоит дело и в случае редукции семьи к человеку. И хотя такая подмена связана с удобством проведения социологических исследований или осуществления социальной работы, но в то же время она искажает информацию о семье. В качестве примера приведем дискуссию между А. Антоновым и С. Голодом. Так, последний определяет семью как *совокупность индивидов*, состоящих, как минимум, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения и свойства [6, с. 5]. По мнению же А. Антонова, в данном случае существует опасность подмены объекта (семьи, семейных интеракций и структур) категориальной, агрегативной единицей – индивидом. Исследователь подчеркивает, что подмена семьи индивидом искажает информацию о семье. Человеческое существование и общение – всегда «со-человеческое». Обособленный индивид – это социальная фикция, поскольку социальный «атом» человека включает все многообразие отношений с окружающими. Если продолжить эту физическую метафору, то семья окажется своеобразной молекулой – системой систем межличностных взаимоотношений. Поэтому редукция семьи к социальному атому индивида, и тем более к личности как агрегативной единице (понимаемой в качестве элементарной части какого-либо агрегата, конгломерата произвольно соединенных элементов) лишает микросоциологию ее объекта изучения. И хотя, подчеркивает А. Антонов, некоторые экономисты и юристы сводят семью к «домохозяйству одиночек», а социологи – к «двум индивидам», один из которых зависим от другого (мать с ребенком). Но нуклеарная семья, с точки зрения исследователя, в принципе не может иметь меньше трех позиций (мать-жена, отец-муж, ребенок-сын / дочь), следовательно, даже арифметически семья не может состоять меньше чем из трех человек, то есть одно-детная семья – это предел количественного «сжатия» семьи. Поэтому не следует, по его мнению, путать семью и семейные объединения (семейные группы), которые образуются при вычитании одного из трех отношений (супружества – родительства – родства). [3, с. 32–33,52; 4, с. 66–67]. А. Антонов предупреждает об угрозах уклонения в «социологизм» либо «психологизм» при анализе фамилистической сферы: «Структуралисты ныне уповают на социальный perpetuum mobile, который якобы спасет от кризисных тенденций, а психологизаторы, размывая границы семьи до «влечения сердец», убеждают себя в сверхценности многообразных форм «осko-

лочной семейности»» [3, с. 49].

Таким образом, так или иначе, сущность самой семьи в приведенных вариантах не проясняется. Для определения сущностной специфики семьи нам остается обратиться к ее видовым признакам в приведенных определениях.

В качестве таковых обычно выступают брачные или родственные отношения. Так, согласно социологической энциклопедии, брак в широком смысле – социально организованные половые отношения между мужчиной и женщиной. В узком смысле – гражданское состояние мужчины и женщины, их союз для образования семьи, рождения детей. В отличие от других социальных отношений, брак включает в себя естественно-биологический элемент – интимную связь половых партнеров (сексуальные контакты) [20, с. 136]. Родительство и родство, согласно той же энциклопедии, – специфическая форма отношений, присущая семье. Связь, возникающая в результате рождения нового человека, имеет биологическую природу и является естественной. В то же время наличие прав и обязанностей между родственниками свидетельствует о социальном характере их связи, обусловленности ее социально-экономическими отношениями [20, с. 904]. Насколько указанные признаки способны помочь нам с определением сущности семьи? Отметим, что ключевые для брака половые отношения сами по себе не создают семью. Ключевое для родственных отношений рождение ребенка также может быть вне семьи (например, суррогатное материнство).

Второстепенные признаки (общность быта, взаимная ответственность) тоже мало что дают нам для понимания сущности семьи. Как то, так и другое возможно и вне семьи. Потребность в воспроизводстве человеческого рода? Но постановка данной цели в большинстве семей сегодня вызывает сомнение, не говоря уже о потребности физического и духовного обновления общества.

От смысловой девальвации понимание семьи не спасает и выявление ее функций в качестве видового отличия. Семья, конечно, ценна функциями, но это вовсе не означает, что семью можно редуцировать к обеспечению социально-психологически-биологических потребностей. Потому что в таком случае, функции и потребности оказываются первичней, чем семья, которая становится лишь неким номинальным объединением (обществом) людей для удовлетворения потребностей. Кроме того, как выбрать, какие из них являются базовыми, сущностно семейными? Демографы, к примеру, акцентируют внимание на репродуктивной функции. Но с наступлением современных технологий репродуктивная функция вскоре окажется совершенно не главной. Социологи, психологи и педагоги подчеркивают важность социализирующей, терапевтической и образовательной функций. Но и указанные функции сегодня не менее активно делегируются разнообразным общественным институтам. В результате, семья, «разобранная» общественными институтами по своим основным функциям «до основания», исчезает на глазах. И хотя сегодня функционализм силится спасти семью (например, во имя демографических приоритетов государства), но тщетно. Образно выражаясь, фамилистический функционализм подпилил сук, на котором сидел, и теперь вдруг заявляет о наступившем кризисе семьи.

По мнению автора статьи, семья, хотя и определяется через функции и базовые потребности, но, тем не менее, не сводится к ним. Сам семейный способ бытия является не меньшей потребностью, чем те потребности, которые реализуются через репродуктивную, сексуальную, социализирующую, психотерапевтическую, бытовую (и др.) функции семьи.

И хотя функционализм постепенно утрачивает свои доминирующие позиции, но пришедшее ему на смену многообразие подходов не решает проблемы. В качестве иллюстрации данного тезиса сошлемся на работу Т. Гурко [8]. В своей монографии исследовательница анализирует множество теоретических подходов к пониманию семьи (включая рассмотрение определений и теоретических допущений), в частности: символический интеракционизм, функционализм, подходы социаль-

ного обмена и рационального выбора, социального конфликта, развития семейного жизненного пути, биоэкологический, феминистский, постмодернистский, а также системный и институциональный подходы. Даже одно простое перечисление указанного множества подходов в отношении одного социокультурного феномена свидетельствует о наличии проблемы понятийно-смысловой дезориентации.

Таким образом, вопрос «сущностного минимума» семьи остается открытым для современного научного дискурса. Увлекшись эмпирико-функциональными построениями, фамилистические науки рискуют пройти мимо чего-то главного в понимании семьи, мимо понимания самой семейственности.

Каков возможный выход из ситуации? При познании семьи надо не просто набрасывать свои рациональные схемы, отождествляя их с реальностью, а последовать знаменитому лозунгу («принципу всех принципов») Э. Гуссерля: «Назад к вещам!». Данный принцип может быть передан в таких словах (согласно объяснению Р. Ингардена): назад к изначальному, непосредственному опыту! Применительно к анализу семьи, надо, следуя за указанным принципом Э. Гуссерля, сказать: «Назад к семье!», к восприятию феномена семьи. То есть, следует повернуть к непосредственному восприятию семьи, а не теоретических схем семьи. Один из первых шагов в этом направлении – «вслушивание» в бытие и «вслушивание» в язык. Несомненная заслуга в возрождении данного приема принадлежит М. Хайдеггеру. Следуя его примеру, необходимо вслушаться в язык для раскрытия потаенных смыслов концептосферы семьи, что, по мнению исследователей Анисиных способно приоткрыть нам не только весьма древние корни феномена семьи, но и некие устойчивые его контуры, архетипические черты [2, с. 12]. Исследователям-фамилистам следует задуматься, о чем свидетельствует огромный спектр употребления фамилистической терминологии, обширность ее концептосферы?

Так, фамилистические интуиции артикулируются в культуре, начиная с мифорелигиозных представлений. В древних мифах на семейном языке описывается происхождение богов, мира, и строятся (моделируются) сами мифы. Это, прежде всего, касается самих мифических существ, связанных семейно-брачными отношениями, которые описываются в мифах многих народов. Так, Э. Кассирер подчеркивает, что «мать-земля» противопоставляется «небу-отцу» в ведийской религии и в древнескандинавских верованиях. У полинезийцев люди также происходят от неба и земли как первой супружеской пары. Троица отца, матери и сына представлена в египетской религии (в образах Осириса, Изиды и Гора) и встречается почти у всех семитских народов, а также у германцев, италиков, кельтов, скифов и монголов [13, с. 199–200]. Сердцевиной мифопредставлений и мифосказаний становятся не только космические браки и рождения, но и специфические фамилистические темы, на которых акцентирует внимание К. Леви-Строс: экзогамия, инцест (или его запрет), обмен (перераспределение) женщин между родами. Основываясь на терминологии семейно-брачных отношений, строятся и религиозные представления монотеистических религий. Например, признание Иисуса сыном Всевышнего отличает христианство от иудаизма и ислама. В христианском богословии посредством семейного языка описываются отношения божественных ипостасей (Бога-Отца и Бога-Сына), а также Бога и Церкви.

«Идеологема» семьи красной нитью пронизывает и всю историю литературы. Так, оба великих произведения Гесиода были связаны с семьей. «Теогония» гласит о рождении богов и их семейных отношениях, а «Труды и дни», как известно, Гесиод написал для своего брата, который судился с ним из-за имущества. Легендарная Троянская война, описанная Гомером, также начинается с семейного конфликта. Сокровищница мировой литературы донесла до нас легендарные образы Париса и Елены, Одиссея и Пенелопы, Самсона и Далилы, Давида и Вирсавии, Ромео и Джульетты, Сен-Пре и Юлии, Анны Карениной и Алексея Вронского, «Братьев Карамазовых» и «Сестер золотого кольца», «Кайдашевой семьи» и «Семьи Тибо». На

основании рецепции семейной событийности в европейской культуре обретают нарицательный статус имена Каина, Хама, Эдипа, Антигоны, Электры, Ксантиппы и др.

Глубинная связь семейной и социальной сфер бытия многократно подчеркивалась исследователями. С точки зрения Д. Купера, по образцу семьи строятся многие единицы общества, такие как школа, университет, больница, церковь, правительственный аппарат, вооруженные силы [25]. Важность семейных отношений прослеживается и на более глубинном социальном уровне. Например, Г. Дзибель, обращает внимание на активное признание человеком широких масс родственников за пределами кузенного уровня генетической близости: побратимов, кумовьев, приемных родителей (и др.), которые абсорбируют всю ролевую структуру, связанную с родительской заботой или братской взаимопомощью [10, с. 81]. Таким образом, семейственность пронизывает общество, причем как в положительном, так и в отрицательном значении, если говорить, например, о семейственности как одном из видов коррупции (кумовство, семейные кланы, семейный бизнес).

Следовательно, семья – не просто ячейка общества, институт или малая группа. Фамилистические интуиции пронизывают всю сферу бытия, являются ее средоточием. Даже когда говорится о природе как таковой, необходимо вслушаться в само слово при-*рода* (от слова рождать). То есть все, что нас окружает – *рожденное*. Поэтому неудивительно, что мы говорим: *Род*ина, у*рож*ай, *род*ник, по*рода*, воз*рождение*. Причем концептосфера семьи включает наряду с природными и социо-культурными не совсем свойственные ей, на первый взгляд, технические коннотаты (например, «материнская плата» в компьютерном деле).

В связи с этим возникает вопрос: почему так много значений выражается через фамилистическую терминологию? Что такого содержат семейные термины, способные объединить столь разные сферы, как например: семейство наук, семейство языков, семейство кошачьих, семейство злаковых? Почему из столетия в столетие человек для характеристики своей деятельности неотступно использует семейные коннотаты и коннотации? Так, Сократ сравнивал свое искусство с майевтикой и рождением нового человека. Апостол Павел рассуждал о муках рождения духовных детей. Поэты испокон веков говорят о рождении своих стихов, а ученые – о рождении научных идей. Что это? Только антропоморфные метафоры или здесь скрывается некий глубинный смысл семейственности человеческого духа и универсума?

Итак, фамилистические интуиции пронизывают всю социокультурную сферу бытия, что требует пересмотра социологизаторского взгляда на семью лишь как на социальный феномен.

Выводы. Феномен кризиса / модернизации (исчезновения / трансформации) семьи, наблюдаемый в современном западном обществе связан с проблемой ее понятийно-смысловой дезориентации. Ключевым вопросом указанной проблемы является вопрос определения, а точнее определения «сущностного минимума» семьи: что делает семью таковой? На фоне нарастающего объема фамилистических исследований, непроясненность и нечеткая артикуляция метафизических оснований, затрудняют выявления инвариантной сущности семьи.

В номинальных определениях семья представлена двумя вариантами: «*семь Я*» и «*семя*». В первом варианте, который пользуется большим предпочтением в современных фамилистических исследованиях, семья лишь имя для обозначения совокупности «Я» (индивидов), во втором – ее отличает субстанциальное измерение.

В научных определениях доминирующим остается социологизаторский подход, в котором определения семьи представлены также двумя вариантами. В первом случае присутствует отсылка к социуму как метафизическому основанию: семья – *социальный институт*. Во втором случае, семья номиналистически понимается как *совокупность индивидов*. Сущность самой семьи (семейственности) в приведенных вариантах не проясняется, т.к. феномен семейственности редуцируется или к обще-

ству или к индивиду. От смысловой девальвации понимание семьи не спасает обращение к функциям и видовым отличиям семьи. Ни одна из функций семьи (даже репродуктивная) не гарантирует схватывания ее сущности и не обеспечивает сегодня линии демаркации семейной сферы. Более того, с развитием современных технологий все больше семейных функций делегируются разнообразным общественным институтам, соответственно, семья – «исчезает».

О необходимости пересмотра социологизаторского взгляда на семью свидетельствует и «расползание» концептосферы семьи, то есть наличие множественных мифо-религиозных, социокультурных, психологических, природных и даже технических (!) коннотатов и коннотаций. Фамилистические интуиции пронизывают всю сферу бытия, являются ее средоточием. Семья – не просто ячейка общества, институт или малая группа с набором функций.

Таким образом, вопрос «сущностного минимума» семьи остается открытым для современного научного дискурса. Обращение к четко артикулируемой метафизической составляющей познания семьи будет способствовать демаркации фамилистической реальности и «оздоровлению» научных концепций и определений семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азимова Н., Шермухамедова Ж. Гендер и семья // Введение в теорию и практику гендерных отношений : сб. научн. статей / [Научн. ред. Е.Б. Мезенцева и др.]. – Ташкент, 2007. – С. 332–353.
2. Анисин А. Л., Анисина С. С. Семья как быт и бытие в истории и жизни. – Тюмень, 2006. – 183 с.
3. Антонов А. И. Микросоциология семьи. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 368 с.
4. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия : Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс; Универс, 1995. – 456 с.
6. Голод С. И., Клецин А. А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. – Спб. : [б. и.], 1994. – 43 с.
7. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
8. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. – М. : Институт социологии РАН, 2010. –184 с.
9. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – Изд. 2-е, переработ. и доп. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
10. Дзибель Г. В. Феномен родства. Пролегомены к иденетической теории // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 6. – СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), 2001. – 470 с.
11. Древнегреческо-русский словарь: [в 2 т.] Т. 1: А-Л. / Сост. И. Х. Дворецкий; Под ред. С.И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1043 с.
12. Дружинин В. Н. Психология семьи. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
13. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с.
14. Кёстенбергер А., Джонс Д. Бог, брак и семья : как восстановить библейские основы : [пер. с англ.]. – СПб. : Вера и святость : Библия для всех, 2009. – 427, [4] с.
15. Мердок Дж. П. Социальная структура; Перев. и коммент. А. В. Коротаева. – М. : ОГИ, 2003. – 608 с.
16. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. Григорий Дьяченко. – [Репр. изд. 1900 г.] – М. : Отчий дом, 2006. – 1120 с.
17. Рашковский Е. Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки) // Вопросы философии, 2010, №10, С. 27–37.
18. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. –¬ М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 672 с.
19. Скворцов Л. В. О «природе» семьи (Предисловие) // Человек: образ и сущность: Ежегодник: Семья: Традиции и современные тенденции. – М.: ИНИОН РАН. – 2007. – С. 7–21.

20. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов и др. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
21. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре; [Отв. ред. С.М. Толстая]. – М. : Индрик, 2009. – С. 7–22.
22. Фукуяма Ф. Великий разрыв; [Пер. с англ. под общ. ред. А. В. Александровой]. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 480 с.
23. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с.
24. Baber Kr., Allen K. Women and Families: Feminist Reconstructions. – New York: Guilford Press, 1992. – 276 p.
25. Cooper D. Death of the Family. – Paperback, 2000. – 145 p.

REFERENCES:

1. Azimova N., Shermukhamedova Zh. Gender i sem'ya [Gender and family] // Vvedenie v teoriyu i praktiku gendernykh otnosheniy : sb. nauchn. statey / [Nauchn. red. E.B. Mezentseva i dr.]. – Tashkent, 2007. – S. 332–353.
2. Anisin A. L., Anisina S. S. Sem'ya kak byt i bytie v istorii i zhizni [Family as a way of life and existence in history and life]. – Tyumen', 2006. – 183 s.
3. Antonov A. I. Mikrosotsiologiya sem'i [Microsociology family]. – M.: INFRA-M, 2005. – 368 s.
4. Antonov A. I., Medkov V. M. Sotsiologiya sem'I [Family Sociology]. – M.: Izd-vo MGU, 1996. – 304 s.
5. Benvenist E. Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov. I. Khozyaystvo, sem'ya, obshchestvo. II. Vlast', pravo, religiya [Dictionary of Indo-European social terms. I. Agriculture, family, society. II. Power, law, religion]: Per. s fr.; Obshch. red. i vstup. st. Yu. S. Stepanova. – M.: Progress; Univers, 1995. – 456 s.
6. Golod S. I., Kletsin A. A. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sem'i. Teoretiko-tipologicheskiy analiz. Empiricheskoe obosnovanie [Status and prospects of development of the family. Theoretical-typological analysis. Empirical justification]. – Spb. : [b. i.], 1994. – 43 s.
7. Gurko T. A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. – M.: Institut sotsiologii RAN, 2008. – 325 s.
8. Gurko T. A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'I [Theoretical approaches to the study of the family]. – M.: Institut sotsiologii RAN, 2010. –184 s.
9. Dvoretskiy I. Kh. Latinsko-russkiy slovar' [Latin-Russian dictionary]. – Izd. 2-e, pererabot. i dop. – M. : Russkiy yazyk, 1976. – 1096 s.
10. Dzibel' G. V. Fenomen rodstva. Prolegomeny k ideneticheskoy teorii [Phenomenon of kinship. Prolegomena to geneticheskoi theories] // Algebra rodstva: Rodstvo. Cistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. Vyp. 6. – SPb. : Muzey antropologii i etnografii (Kunstkamera), 2001. – 470 s.
11. Drevnegrechesko-russkiy slovar': [v 2 t.] T. 1: A-Λ. [Ancient Greek-Russian dictionary] / Sost. I. Kh. Dvoretskiy; Pod red. S.I. Sobolevskogo. – M. : Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey, 1958. – 1043 s.
12. Druzhinin V. N. Psikhologiya sem'i [Psychology of the family]. – 3-e izd. – SPb.: Piter, 2006. – 176 s.
13. Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie [Philosophy of symbolic forms. Vol. 2: Mythological thinking]. – M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – 280 s.
14. Kestenberger A., Dzhons D. Bog, brak i sem'ya : kak vosstanovit' bibleyskie osnovy [God, marriage and the family : how to restore the biblical basis]. – SPb. : Vera i svyatost' : Bibliya dlya vsekh, 2009. – 427, [4] s.
15. Merdok Dzh. P. Sotsial'naya struktura [Social structure]; Perev. i komment. A. V. Korotaeva. – M. : OGI, 2003. – 608 s.
16. Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' (so vneseniem v nego vazhneyshikh drevnerusskikh slov i vyrazheniy) [Full Church Slavonic dictionary] / Sost. Grigoriy D'yachenko. – [Repr. izd. 1900 g.] – M. : Otchiy dom, 2006. – 1120 s.
17. Rashkovskiy E. B. Fenomen sem'i (mezhdistsiplinarnye zametki) [Would. The phenomenon of families (interdisciplinary notes)] // Voprosy filosofii, 2010, №10, S. 27–37.
18. Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya [The Russian sociological encyclopaedia] / Pod obshch. red. akademika RAN G. V. Osipova. –¬ M.: NORMA – INFRA-M, 1998. – 672 s.
19. Skvortsov L. V. O «prirode» sem'i (Predislovie) [On the «nature» of the family

(introduction)] // Chelovek: obraz i sushchnost': Ezhegodnik: Sem'ya: Traditsii i sovremennye tendentsii. – M.: INION RAN. – 2007. – S. 7–21.

20. Sotsiologiya: Entsiklopediya [Sociology: Encyclopedia] / Sost. A. A. Gritsanov i dr. – Minsk: Knizhnyy Dom, 2003. – 1312 s.

21. Tolstaya S. M. Kategoriya rodstva v etnolingvisticheskoy perspektive [Category of kinship in ethnolinguistic perspective] // Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture; [Otv. red. S.M. Tolstaya]. – M. : Indrik, 2009. – S. 7–22.

22. Fukuyama F. Velikiy razryv; [Great divide]. – M.: ACT; Ermak, 2004. – 480 s.

23. Tsyganenko G. P. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Bolee 5000 slov [Etymological dictionary of the Russian language: More than 5,000 words]. – 2-e izd., pererab. i dop. – K. : Rad. shk., 1989. – 511 s.

24. Baber Kr., Allen K. Women and Families: Feminist Reconstructions. – New York: Guilford Press, 1992. – 276 p.

25. Cooper D. Death of the Family. – Paperback, 2000. – 145 p.

Шаталович О. М., доктор філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпро, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Сім'я в філософсько-гносеологічному вимірі: проблема понятійно-смислової дезорієнтації.

Анотація. *Феномен кризи (або модернізації) сім'ї, який спостерігається в сучасному західному суспільстві, пов'язаний з проблемою її понятійно-смислової дезорієнтації. Ключовим питанням зазначеної проблеми є питання визначення, а точніше визначення «сутнісного мінімуму» сім'ї: що робить сім'ю такою? На тлі зростаючого обсягу фамілістичних досліджень, нез'ясованість та нечітка артикуляція метафізичних підстав ускладнюють виявлення інваріантної сутності сім'ї. У наукових визначеннях домінуючим залишається соціологізаторський підхід, в якому феномен сімейності редукується або до суспільства, або ж до індивіда. Визначення сім'ї через функції також сприяє посиленню смислової девальвації.*

Ключові слова: *визначення сім'ї, фамілістика, соціологія сім'ї, психологія сім'ї, філософія сім'ї.*

Shatalovych O., doctor of philosophical sciences, docent, associate professor of the Department of philosophy Oles Honchar Dnipro National University (Dnipro, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The Family in the philosophical-gnoseological dimension: the problem of conceptual and semantic disorientation

Abstract. *The conceptual and semantic disorientation of the family is one of the important philosophical and gnosiological problem of modern family studies. Many variants of family existence are a manifestation of the conceptual and semantic disorientation of the family in the socio-cultural sphere. The problem of conceptual and semantic disorientation has been repeatedly analyzed in modern scientific literature. Representatives of different sciences do not have a common definition of the family. The definitions of the family are based on different criterions. Today, the boundaries of the family are expanding, the scientific criteria of the family are being relaxed. This causes conceptual and semantic devaluation and disorientation. The number of theoretical approaches and definitions of the family is increasing, but the problem of conceptual and semantic disorientation does not yet have a purposeful interpretation and systematization. Explication of this problem is the purpose of this article.*

The key issue of the conceptual and semantic disorientation of the family is the question of the definition that has a connection with the question of the «essential minimum»: what is family?

The family (in the modern sense) is a relatively young phenomenon. The word «family» was transmitted by polysemantic terms in classical languages (Ancient Greek, Hebrew, Latin). The term «family» did not exist in the European Middle Ages and even much later. The term «sem'ya» has two nominal values in modern Slavic culture. The first meaning: the family is seven individuals. The second meaning: the family is a seed. In the first case, the family is a name for the totality of individuals. The substantial dimension distinguishes the family in the second case.

The author of the article examines two basic metaphysical foundations of the family. The first foundation is society. The second basis is man. In the first case, the family is a social institution.

Consequently, the society sets goals, functions, norms, roles for the family. In the second case, the family is the aggregate of individuals. The family phenomenon is reduced to the society or reduced to the individual. For this reason, the identification of the invariant essence of the family is difficult.

Species differences (marriage, family relations) or functions that characterize the family, also do not help to understand the essential minimum of the family. For example, sexual relations do not create a family yet. The birth of a child can occur outside the family (surrogate motherhood). Social institutions adopt specific functions of the family.

Thus, the metaphysical foundations of modern family definitions have a fuzzy articulation. The issue of family definition remains open and relevant today.

***Keywords**: the definition of the family, Familia, sociology of family, psychology of family, family philosophy.*

УДК 122+123

Шаталович И. В.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Днепровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: amsh@i.ua

ДЕТЕРМИНИСТСКИЕ АПОРИИ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

***Аннотация.** Попытка одновременного включения детерминистских (необходимость, причинность, определенность) и индетерминистских (свобода, случайность, неопределенность) категорий в картину мира (мировоззрение) приводит к затруднениям, которые автором обозначены как детерминистские апории, представленные двумя вариантами: космологическая (проблема случайности) и этическая (проблема свободы человека) апории. На примере формирования новоевропейского мировоззрения продемонстрировано, что в Новое время доминировала редукционная тенденция решения детерминистских апорий, которая не позволила органически включить случайность и свободу в детерминистское миропонимание.*

***Ключевые слова:** история философии, Новое время, детерминизм, индетерминизм, случайность, свобода.*

Постановка проблемы и обзор литературы по теме. Исследованию тех или иных аспектов идеи детерминизма в истории философской мысли было посвящено значительное количество работ.

Критическое отношение к концепции детерминизма в западной философии формируют: Р. Барт, А. Бергсон, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Р. Карнап, О. Конт, Ж. Ф. Лиотар, К. Поппер, И. Пригожин, Б. Рассел, Г. Рейхенбах, Ж. П. Сартр, Ф. Франк, Ф. Шилер и др. Среди исследователей «апологетического» лагеря выделим: З. Августинека, С. Амстердамского, М. Бунге, В. Краевского, П. Ланжевена, К. Маркса, М. Планка, А. Поликарова, А. Пуанкаре, З. Фрейда, А. Эйнштейна, Ф. Энгельса.

Существенное переосмысление детерминизма в контексте западной философии было предпринято представителями материалистической философии советского периода. В их числе отметим: Я. Ф. Аскина, Л. Б. Баженова, В. Г. Иванова, В. П. Капитона, Б. М. Кедрова, В.И. Купцова, Л.А. Микешину, В.П. Огородникова, М. Э. Омельяновского, М. А. Парнюка, В. Я. Перминова, М.В. Пилипенко, О. С. Разумовского, Г. И. Рузавина, Ю. В. Сачкова, Г. А. Свечникова, А. И. Уемова.

На постсоветском пространстве следует обратить внимание на работы М. А. Абрамова, И. А. Акчурина, И. С. Добронравововой, Н. А. Мещеряковой, Ю. В. Чайковского.

И хотя исследования детерминизма проводились в различных аспектах: онтологическом, логическом, языковом, естественнонаучном, этическом, психологическом, социальном, но основной массив историко-философских исследований был выполнен в научном (историко-научном) контексте. В частности, Н. А. Мещеряко-